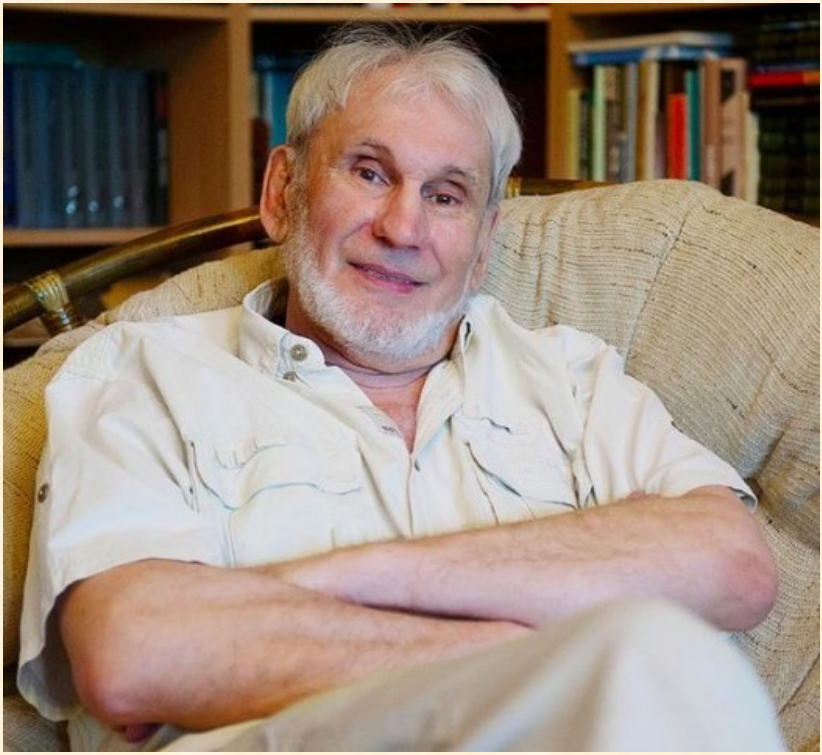
Геннадий Прашкевич



Хранящие знание

О библиотеках и их работниках

Новосибирск 2019

Геннадий Прашкевич

Хранящие знание

О библиотеках
и их работниках

Новосибирск 2019

Прашкевич, Г. Хранящие знание: О библиотеках и их работниках. – Новосибирск : МКУК ЦБС Октябрьского района, ЦРБ им. Л. Н. Толстого, 2019. – 22 с.: ил.

Потрясающие библиотеки были в моем детстве.

Самая первая, может, самая замечательная находилась в селе Абалаково (Енисейский район): в сельсовете – одинокая деревянная полочка с десятком разноформатных книжек. Все до одной помню. Зачитанные, лохматые по краям «Сорочьи сказки», роман Натана Рыбака «Переяславская рада» и «Цыганочка» Сервантеса – в бумажной обложке. Главным в «Цыганочке» было то, что я не понял в повести ни слова. Мальчик я был упорный, дважды перечитал «Цыганочку», и всё равно не понял ни слова. Подумав крепко, так и решил: книги, наверное, в общем-то совсем необязательно понимать, просто води по строчкам глазами, проговаривай что-то вслух, вот и всё. Отдыхай, короче. Человеку в четыре года такое кажется убедительным.

Но следующими на той одинокой полочке оказались «Капитанская дочка» и «Порт-Артур». Что нужно человеку в его ранние годы? Конечно же, такая вот героическая история! Прочёл я в том же году «Подвиг Челюскина» и «Бои в Финляндии». А ещё – «Железный поток», «Молодую гвардию» и тоненькую «Маракотову бездну».

Мир сразу невероятно расширился.

А в селе Маклаково (ныне Лесосибирск), где я пошёл в школу, моё отношение к книгам было уже более серьёзным. А на железнодорожной станции Тайга (Кузбасс), где, наконец, осели мои родители, в городскую библиотеку я пришёл уже с полным внутренним пониманием того, что мне нужно. Выслушав меня, удивлённая пожилая сотрудница выложила передо мной толстую книгу «Путешествие натуралиста вокруг света на корабле Бигль» (со множеством картинок) и тоненькую брошюрку «Выливание сусликов».

«Что будешь брать?»

Конечно, я выбрал «Путешествие».

Это во многом определило мой жизненный путь.

Ведь именно книги, именно библиотеки незаметно формировали нас.

Иногда меня (как заслужившего доверие) пускали в книжный фонд, в его таинственную сумеречность. Я рассматривал книги. Листал, вчитывался. Было мне совсем немного лет, всё меня поражало. Я натыкался на удивительные книги, каким-то чудом пережившие множество казённых чисток. К примеру, сборники «Чтеца-декламатора» со стихами Фёдора Сологуба, Николая Гумилёва, Владислава Ходасевича. Или старые книжки научной фантастики, много лет не переиздававшиеся. «Ариэль» Александра Беляева – этого удивительного дрессировщика молекул, «Властелин молний» – другого Беляева, Сергея. Юрий Долгушин, Сергей Буданцев, Валерий Язвицкий, Абрам Палей, Владимир Брагин, даже Ян Ларри.

«На изучение Атлантиды я потратил долгие годы, – читал я в романе Александра Беляева про последнего атланта. – Я бродил среди развалин Атлантиды на дне океана. Там передо мной проносились картины её былого величия и ужасного конца. По многим документам, найденным на дне океана и на поверхности земли в различных странах, я познакомился с судьбой её обитателей и даже отдельных лиц. И у меня появилась непреодолимая потребность записать все это».

Не удивительно, что и у меня, школьника, появилась такая же потребность.

Я начал сам писать. И это были не просто стишки, посвящённые разным девочкам, но – фантастические рассказы. И мне хотелось писать их по-настоящему. Как, к примеру, писал Алексей Толстой. «Аэлита» и «Гиперболоид инженера Гарина» меня покорили. Кстати, в те сороковые-пятидесятые годы в выходных данных

книг часто указывалось: «Если вам понравилось прочитанное, напишите нам», – и тут же приводился адрес издательства.

Я писал.

Даже вступил в переписку с некоторыми знаменитыми советскими писателями и учёными. Самое поразительное, практически все они отвечали, присылали мне книги, отвечали на вопросы.

То есть, мне, как всегда, везло.

Я даже собрал первую свою библиотеку.

Не могу сказать, что моя жизнь оказалась лёгкой. Но мне везло.

Николай Николаевич Плавильщиков, знаменитый энтомолог и писатель, одним из первых понял мою тоску по культуре. Существовал когда-то такой термин. Я ужасно хотел знать, как пишут такие необыкновенные, такие захватывающие книги, полные цвета, жизни, запахов, как повесть самого Плавильщикова «Недостающее звено»? Как писатель умудряется видеть и слышать то, чего уже давно (многие сотни миллионов лет) попросту нет на нашей планете?

«Как я писал «Недостающее звено»? – объяснял мне Николай Николаевич (письмо от 4 апреля 1958 года). – Часто спрашивают – не у меня, а вообще: как вы работаете; просят: расскажите, как писали такую-то вещь. На эти вопросы нельзя ответить точно: всегда отвечающий будет ходить вокруг да около и спрашивающий не услышит того, что ему хочется услышать.

Возьмите какой-либо другой случай.

Вопрос: хорошего закройщика спрашивают: расскажите, как вы кроите?

Он отвечает: а очень просто. Гляжу на заказчика, делаю несколько промеров, кладу на стол материал и… раз, раз ножницами!

Спрашивающий проделывает в точности то же самое и… портит материал.

Секрет прост: опыт. Его, опыт, словами не передать, а в творческой работе важны внутренние процессы, которых не знает сам творящий.

Так и со «Звеном». Издательство привязалось: напишите что-нибудь фантастическое о предках человека. Просят сегодня, просят завтра. Мне надоело. «Ладно, говорю, напишу». И самому занятно: что выйдет? Какое-то время уделить на этот эксперимент я мог. Но как и о чём писать? Питекантроп. А как его – живого – свести с современным человеком? И не с учёным, это будет скучно.

Вот я и придумал своего героя.

А почему его потянуло на питекантропа?

Устраивается завязка: встреча (героя) с Дюбуа.

«Горшок гвоздики стоял на окне пятого этажа. На перилах балкона третьего этажа дремала голубая персидская кошка. Тинг, выглядывая в окно, столкнул горшок. Падая, горшок задел кошку, а та спросонок прыгнула и упала на мостовую».

Понятно, кошка на окне – это просто так, для интригующего начала и ради причины переезда на другую квартиру.

Затем новая задача, как устроить встречу Тинга с питеком?

Можно – лихорадочный бред, можно – во сне. Но это привяжет Тинга к постели, а мне нужно, чтобы он был в лесу. Цепь мыслей: бред больного… бред пьяного… бред отравленного… Вот оно! Пьяный, сами понимаете, невозможно, да он и не набегает много, а ткнётся в куст и заснёт; отравленный – дело другое.

Чем отравить? Всего занятнее – чего-то наелся там же в лесу.

Ну, я ищу – чем его отравить. И вы видите, получилось: отрава (ягоды), подходящая во всех смыслах. А дальше придумывается, что могли делать питеки, ищутся способы использования местной фауны тех времён, пейзажа и прочее. Выглядит это совсем просто, да так оно мне и казалось: основная работа шла в голове, даже без моего ведома, а потом готовое попадало на бумагу. Конец, правда, пришлось переделывать. Редакция потребовала более спокойного конца. У меня было так: Тинг обиделся на Дюбуа, переменил название бабочки и т. д., но пришлось писать ту мазню, что в конце последней страницы. Как видите, нужно надумать основную сюжетную линию, а затем подобрать материал. Мне это было совсем нетрудно: я знаю, что примерно мне нужно, а главное – знаю, где это искать. Остаётся компоновка.

Вот и смотрите: научились вы чему-нибудь?

Вряд ли.

Можно написать о том же в десять раз больше, но суть останется той же: поиски «объекта» и возможностей его обыгрывания. Отравленный жёлтыми ягодами обязательно «бегает». И вот ряд всяких пейзажных и иных моментов, которые должны отразить «беготню» и вообще настроение отравленного. Говорят, это получилось. Не знаю, как с «настроением», но концы с концами я свёл. Для меня это был эксперимент особого порядка: суметь показать бред так, чтобы это выглядело явью, с одной стороны, и чтобы все события, якобы случившиеся, были оправданы и состоянием бредящего и окружающей его обстановкой. Тинг видит себя в лесу тех времён, но бегает-то он по современному лесу. Отсюда ряд пейзажных и сюжетных комбинаций: современность, преломлённая в прошлое. Так как наши дни и дни питека не столь уж резко разнятся (в тропиках и подавно) по составу фауны и флоры, то сработать все это было не так уж и хитро. Ко-

нечно, *зная.* Вот это-то *«зная»* и есть одно из двух основных условий работы: нужно знать то, о чём пишешь, и нужно уметь рассказать, то есть уметь увидеть описываемое и уметь передать это своими словами, причём не в живой речи, а на бумаге. Для того, чтобы иметь и то, и другое, нужно время (особенно для приобретения знаний), а для писателя ещё и опыт. Способности – сами собой. Но некоторые «средние» способности есть почти у каждого, а вот Пушкины и Алексеи Толстые – великие редкости…»

Я любил библиотеки.

Не читай я так много, не пытайся вступить в разговор с великими, так, наверное, и остался любителем. Но повторюсь – мне везло. Ещё одну (великую) истину открыл мне (почти случайно) другой знаменитый учёный и писатель – Иван Антонович Ефремов.

В 1957 году он отправил меня в настоящую палеонтологическую экспедицию на Урал.

Мне было шестнадцать.

Я действительно много читал.

Многие книги восхищали меня, но, к сожалению, литературой я тогда считал всё, что попадало мне в руки, что лежало передо мной на столе. Беляев и Немцов, Кассиль и Пушкин, Аркадий Гайдар и Осеева, Вадим Охотников и Сельвинский. Разность авторских взглядов, подходов, вкусов нисколько меня не волновали. Какая разница? Я даже восхищался прямотой Ольги Борисовны Лепешинской, убеждённой, что всё живое на Земле возникло из обыкновенной грязи. «Вы хотите монаху Менделю верить или мне, члену партии с 1895 года?»

Как было во всём этом разобраться?

Первый «Ту-104» в небе, первый атомоход, первые советские учёные в Антарктиде, первый синхрофазотрон и всё прочее, а на расплывающихся от дождей бедных

На 100-летнем юбилее библиотеки им. Л. Н. Толстого. 2004 год

На 120-летнем юбилее библиотеки им. Л. Н. Толстого. 2014 год

Библиотечный онлайн-проект «Книга в кадре». 2016 год

ВЫХОД

ВЫХОД

Круглый стол, посвящённый 95-летию журнала «Сибирские огни». 2017 год

улицах – нескончаемые лужи, в домах – хлипкие венские стулья, а ещё – папиросы «Север» («гвоздики»), простёганные телогрейки, полувоенные кители, деревянные кадушки с солёными огурцами. Конечно, двойные рамы с серой запылившейся ватой между ними, аккуратно вырезанные из бумаги красные и зелёные звёздочки, кирпичный китайский чай в цветных бандерольках, резиновые калоши…

Я слушал радио, прислушивался к разговорам.

Провинция прекрасна. Но она – всегда провинция.

Иногда казалось, всё определено навсегда. Зимой снег, летом – ряска на озере.

И вдруг в журнале «Техника – молодёжи» начал печататься роман Ивана Антоновича Ефремова «Туманность Андромеды». Одни названия глав чего стоили! «Железная звезда»… «Эпсилон Тукана»… «Легенда синих звёзд»… «Симфония фа-минор цветовой тональности 4.750 мю»…

Я к этому времени (результат беспрерывного беспорядочного чтения) хорошо знал, что Иван Ефремов не просто писатель-фантаст, нет, он – настоящий учёный, он знает, о чём пишет. Он – известный палеонтолог, основатель одного из отделов палеонтологии – тафономии (учения о закономерностях захоронения ископаемых организмов). Даже в своих научных текстах своих он умел добиваться волшебного, почти художественного эффекта.

«Плоские материки среднего мезозоя были подвержены приливным волнам».

О, как широко это было сказано! А ведь я цитирую просто *научную* статью Ефремова («Некоторые замечания по вопросам исторического развития динозавров», 1954).

«Исполинские волны ходили на большом пространстве, сразу поднимая уровень воды в прибрежных лагунах, озёрах и болотах на несколько метров, сметая

всё, что не было приросшим к дну, силой своего напора. Поэтому древние четвероногие обитатели прибрежий могли жить только в затопленных лесах или на защищённом барьерными рифами берегу. Гигантские животные (зауроподы) в десятки тонн весом успешно сопротивлялись силе приливных волн, не тонули при подъёмах воды и освоили новую, громадную зону обитания, где не имели конкурентов. Становится понятным развитие у зауропод больших когтей, необходимых для цепляния за грунт…»

Чем дальше, тем страньше, как говорила Алиса в Стране чудес.

«Нам, к сожалению, не удалось добыть каких-либо доказательств окраски тела динозавров, все же биологический подход к этому вопросу даёт нам возможность предположить, что в эпоху динозавров существовало огромное разнообразие окрасок, в известной степени аналогичное таковому у современных птиц и тропических ящериц. Зрение, ведущее чувство у зауропсид, вне всякого сомнения, обусловило появление окрасок как защитных, так и очень ярких, возможно сопряжённых с различными выростами, необходимых для сигналов стадным животным…»

Учёный и писатель Иван Антонович Ефремов жил в каком-то другом, в невероятном чудесном мире, а я – в провинции, на дальней сибирской железнодорожной станции, где люди жили и работали, как-то в общем не очень мучаясь малым «разнообразием окрасок». Но связь между нами – между Ефремовым и мною – уже существовала! Мы переписывались. Я получил от него даже самую известную его научную работу – «Тафономию», отмеченную Сталинской премией.

Чем-то я Ефремова заинтересовал.

Отсюда и палеонтологические раскопки на Урале.

А после этого – Москва. Я жил там в палеонтологическом музее, на ночь раскидывал спальный мешок под скелетом миллионы лет назад вымершего диплодока. Ночью прислушивался к таинственным сумеркам и был счастлив.

А вечером гулял по Большой Калужской с великим человеком.

Правда, некоторые вопросы Ивана Антоновича ставили меня в тупик.

Чем, скажем закончилось дело в этом, так скажем, неспокойном доме Карениных?

Ладно, думаю я с некоторым даже превосходством, ну, забыл Иван Антонович содержание известной книжки, но мы-то в школе роман Толстого проходили совсем недавно. И я успокаивал Ивана Антоновича: «Да всё у них там нормально закончилась. Анна Аркадьевна бросилась под паровоз, а старик Каренин расхворался, занялся вопросами образования, и всё такое».

Иван Антонович даже остановился, поражённый моим ответом.

И я остановился. Что тут непонятно? Ефремову ли спрашивать? Герои его проникали в неимоверно далёкое прошлое, летали к далёким мирам, бывали в самом настоящем будущем, а сам он интересуется какой-то Анной Аркадьевной, флигель-адъютантом, лошадью Фру-Фру. Кому это нужно?

«Вернёшься домой, перечитай».

Ефремов произнёс это так, что я растерялся.

Но, вернувшись, конечно, засел за чтение. Плотно засел.

Перечитывал страницу за страницей. Терпеливо штудировал все семь частей знаменитого романа и не видел, ну, правда, не видел в них ничего такого, что опровергло бы именно моё пусть простое, зато верное мнение

о случившемся в доме Карениных. Осталась последняя, восьмая, часть романа, совсем короткая, посвящённая помещику Левину, но помещик-то тут при чём?

«Уже стемнело, – с отчаянием вчитывался я, – и на юге, куда он – (Левин, – *Г.П.*) – смотрел, не было туч. Тучи стояли с противной стороны. Оттуда вспыхивала молния, и слышался дальний гром. Левин прислушивался к равномерно падающим с лип в саду каплям и смотрел на треугольник звёзд и на проходящий в середине его Млечный Путь с его разветвлением. При каждой вспышке молнии не только Млечный Путь, но и яркие звёзды исчезали, но, как только потухала молния, опять, будто брошенные какой-то меткой рукой, появлялись в тех же местах.»

И вдруг я сам *увидел* нал собой это вспыхивающее и потухающее небо.

И оно, это вспыхивающее и потухающее небо поразило меня. Как, понятно, и самого Левина. «Что же смущает меня? – думал он. – Мне лично, моему сердцу открыто несомненное знание, непостижимое разумом, а я упорно хочу разумом и словами выразить его».

Знание, непостижимое разумом!

Поражённый этими словами, я читал дальше.

Я даже начал кое-что понимать. Ещё сумеречно, невнятно.

Вот раздражённая Кити, жена Левина, сзывает к веранде детей (начинается дождь), а дети не идут. Левин, как и Кити, раздражён, он в отчаянии от постоянного и всеобщего непонимания. Всё смешалось. Всё плохо, всё не стыкуется. Из тёмного, почти беспредельного отчаяния выводит Левина очередная молния, высекающая мысль: ну, почему, почему так? почему нам с Кити не живётся просто, светло, весело?

И Левин готов открыться, готов высказать жене эту мысль.

Он идёт к Кити, он уверен, что она его поймёт. А она не слушает его, она своим занята, у неё дела, она спрашивает: «Ты ещё не ушёл?» И при свете очередной молнии Левин окончательно теряется.

Понимания между ним и женой, как не было, так и нет. Ну, нет никакого понимания! Совсем! Ведь будь оно между ними, Кити не попросила бы так равнодушно пройти его в угловую комнату и посмотреть, приготовили ли всё для ожидаемого в скором времени гостя?

И наваливается на Левина тоска.

Неужели мы, люди, никогда не поймём друг друга?

Неужели всегда всё так вот будет? «Так же буду сердиться на Ивана кучера, так же буду спорить, некстати высказывать свои мысли. Так же будет стоять стена между мной и другими, даже между мною и женой моей».

Вечность и непонимание. Непонимание и вечность.

Об этом я и написал Ефремову. И с той поры мы друг друга понимали.

Вот и я думаю: а сейчас мы разве понимаем друг друга?

Вспомните газеты начала девяностых.

Отделы самых невероятных объявлений. Даже в «Аргументах и фактах».

«Недавно узнал, что моего прадеда звали Фима. Имею ли я право подать документы на выезд из страны?»

«Самый ужасный пример массового уничтожения живых существ – это всемирный потоп. А известно ли сегодня точное число жертв? Существуют ли специальные мемориалы, посвящённые данному событию? Осуждался ли прогрессивной мировой общественностью зачинщик потопа?»

«Нашедших шестого июля сего года дипломат из крокодиловой кожи в районе автобусной остановки Ягодная, просим дипломат вернуть и вовнутрь не заглядывать. Лучше позвонить по указанному нами телефону, чем потом всю жизнь прятаться в Бишкеке или в какой-нибудь другой Уганде».

«Лучше всего праздничный вечер запомнится вашим добрым гостям, если вы отравите их копчёными курами, купленными в магазине “Алау”, ул. Горького, 19».

«Всем друзьям и джентльменам, помнящим ласковую путану Алису, гостиница “Сибирь”, верхние номера: срочно нужна финансовая помощь в СКВ. Срок отдачи – полгода. Вы меня знаете!»

И наконец: «Мы обуем всю страну».

И даже: «Куплю всё!»

Время идёт. Рушился построенное.

Только библиотеки стоят в этом бушующем море – последние бастионы.

Они хранят знание. То самое – непостижимое разумом.

Я довольно долго живу. Написал много книг. Многое видел. И чем дольше живу, тем яснее понимаю, как нам нужны библиотеки!

Замечательный американский фантаст Рей Брэдбери признавался:

«Жюль Верн был моим отцом. Герберт Уэллс – мудрым дядюшкой. Эдгар Аллан По – приходился мне двоюродным братом; он, как летучая мышь, вечно обитал у нас на тёмном чердаке. Флэш Гордон и Бак Роджерс – были мои братья и товарищи».

И всё такое прочее.

Вот и хочется знать, есть ли какая-то конкретная польза от всех этих бесчисленных книг, упрятанных в стенах многочисленных библиотек?

«Конечно, есть! – отвечал сам Рей Брэдбери. – И ещё какая! Это благодаря фантастике мы на Луну попали! И к Марсу мы стремимся из-за научной фантастики. Мы изменили наш мир с лёгкой руки Жюля Верна. Когда адмирал Берд под американским флагом поплыл на Северный полюс в 1926 году, он сказал: “Это Жюль Верн ведёт меня”. Здорово, правда? А наши астронавты в Хьюстоне говорили мне, что мои книги пробудили в них желание отправиться на Луну, на Марс. Вот вам великое предназначение научной фантастики – готовить новые поколения…»

Параллельные миры, вот что такое библиотеки.

Самую грустную в своей жизни библиотеку я видел на острове Симушир (Курильские острова) в 1966 году в бухте Броутона. Когда-то там располагался большой посёлок, где обрабатывали китов, добытых знаменитой флотилией «Слава». Охоту на китов, наконец, запретили, люди уехали, дома оставили, заколотив двери и окна, почему-то открытой осталась только деревянное здание бывшей библиотеки. На крыльце её возвышался целый курган книг. Может, хотели, как людей, вывезти книги на материк, но груза и без того было много. Роясь в отсыревших, почти погибших томиках, я обнаружил редчайшее издание Бруно Ясенского («Я жгу Париж»), переводы Киплинга, переписку Гюстава Флобера… Но, боже мой, не понесёшь же всё это на себе, нам и геологических образцов хватало…

Океан накатывался на берег.

Накат шевелил водоросли, катал по песку раковины.

Мы все виноваты в погибающем знании, если такое случается.

«Ведь каждый в грехе, совершенном двумя, отвечает сам за себя».

Киплинг прав. Одно только утешает: истинное знание неуничтожимо.

Библиотеки и книги – они только кажутся такими хрупкими, недолговечными.

Знаменитый роман Герберта Уэллса «Машина времени» заканчивается удивительными словами.

«Развивающаяся цивилизация представлялась ему (герою – *Г.П.*) в виде беспорядочного нагромождения материала, который в конце концов должен обрушиться и задавить строителей. Но если это и так, все же нам ничего не остаётся, как продолжать жить. Для меня будущее неведомо, полно загадок и только кое-где освещено его (героя – *Г.П.*) удивительным рассказом. И я храню в утешение два странных белых цветка, засохших и блеклых, с хрупкими лепестками, как свидетельство того, что даже в то время, когда исчезают сила и ум человека, благодарность и нежность продолжают жить в сердцах».

Всё рушится, только хранилища знаний вечны.

Вот я и поздравляю от всего сердца любимых мною сотрудников нашей старейшей новосибирской библиотеки им. Л. Толстого, этот форпост культуры, с их чудесным, замечательным юбилеем!

Централизованная библиотечная система Октябрьского района

**Центральная
районная библиотека
имени Л. Н. Толстого**

630102, г. Новосибирск, ул. Восход, 26
Тел. +7(383)266-93-01
Тел./факс: +7(383)266-95-77

info@cbstolstoy.ru
http:// cbstolstoy.ru
Вконтакте: vk.com/cbstolstoy